

## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ НАУКИ

*Н.Ю. Федунина*

### ФРАНКО-РУССКИЕ КОНТАКТЫ В ОБЛАСТИ ГИПНОТИЗМА И ВНУШЕНИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА<sup>1</sup>

Статья посвящена исследованию роли франко-русских контактов в развитии и формировании специфики практик гипнотизма и внушения в России. В конце XIX века многие русские неврологи и психиатры ездили на стажировку в Париж и Нанси, два основных центра развития гипнотизма во Франции. Возвращаясь, они начинали внедрять полученные знания и умения как в частную практику, так и в государственные учреждения, а также формировали специализированные научные общества и печатные органы, посвященные гипнозу. Если в Европе интерес к гипнотизму резко упал после смерти Ж.-М. Шарко в 1893 г., то в России в это время имело место десятилетнее принудительное ограничение гипнотизма, что впоследствии привело к активному его соединению с другими формами лечения, разработке самобытных российских теорий гипноза и расширению сфер его приложения.

**Ключевые слова:** гипнотизм, внушение, Нанси, Сальпетриер, терапия, история.

Конец XIX и начало XX века — время интенсивных политических, экономических, культурных и научных связей между Россией и Францией. Французы называли Россию страной, чей научный потенциал недооценен (Raymond, 1889), а в отчетах научных миссий отмечалось чувство интере-

са и искренней симпатии русских к Франции (Huchard, 1890; Raymond, 1889). В 1880-е гг. русские<sup>2</sup> составляли значительную долю (60–90%) иностранных студентов-медиков во Франции (Moulinier, 2005), число публикаций русских специалистов в иностранных научных журналах су-

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантом Франко-русского центра гуманитарных и общественных наук в Москве.

<sup>2</sup> Понятие «русские» относили к выходцам из России самых разных национальностей.

щественно выросло (Любина, 2002), а для дипломированных российских врачей лаборатории Франции были неизменным местом стажировок.

Это время совпадает с очередной волной увлечения гипнотизмом. В последней четверти XIX века гипнотизм появился в России с публичными сеансами Ганзена, Роберта, Бишопа, Фельдмана, Кумберланда, проходившими не без жертв (в смысле расстройства здоровья многих смельчаков, участвовавших в этих экспериментах)<sup>3</sup> (Бовин, 1882; Нарбут, 1904). С гипнотизмом можно было встретиться не только в клиниках, университетах и врачебных кабинетах, но и на сеансах шарлатанов и «гипнотизеров-затейников» (Егоров, 1993), в художественной литературе, на театральных подмостках, в салонных и квази-научных беседах, что существенно дискредитировало попытки его научного исследования (Спримон, 1887). Становление новой области было сопряжено с участием в этом самых разных слоев населения. Еще не сформировался глубокий пласт специализированного имплицитного знания, да и публичные гипнотизеры имели гораздо больший контакт с людьми разных классов, чем большая часть медицинской элиты. В то же время

социальное значение феноменов гипноза и внушения как площадки для исследования социальных отношений, вопросов, связанных с полом и социальным положением, влиянием и властью, свободой воли и подчинением, было очень велико (Winter, 1998). Поэтому требовалась разработка теории и научной практики гипнотизма, которые бы послужили водоразделом между врачом, применяющим гипноз, и многочисленными целителями, «чтецами» мыслей (Сикорский, 1884; Тарханов, 1886; Гамалея, 1885; Бехтерев, 1917), к тому же не всегда психически здоровыми (Эриксон, 1904).

В конце 1870-х — начале 1880-х гг. начались активные исследования гипноза и попытки его использования в терапии (Данилевский, 1879; Дроздов, 1881; Лихонин, 1881; Рот, 1881 и др.), хотя отдельные публикации, касающиеся гипнотизма, появлялись и ранее (Щербаков, 1863). Многие врачи публиковали сообщения о своих опытах лечебного и экспериментального использования гипнотизма лишь через несколько лет после их проведения, после того, как эта тема была легализована как научная. В конце XIX — начале XX века русские врачи были регулярными участниками конгрессов и конференций, касающихся гипнотизма, их статьи (чаще резюме) печатались в ведущих французских журналах (Pierrick, 1992), создавались специализированные научные общества (Московское гипнологическое общество, Кружок

<sup>3</sup> Поводом для опасений научного сообщества служило в том числе представление о гипнотическом сне как особом патологическом состоянии (Каннабих, 1910; Тарханов, 1886), что соответствовало представлению Шарко и парижской школы о связи гипнотизма и истерии.

Льебо) и журналы («Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма»). Развитие теории и практики гипнотизма в России происходило в активном диалоге с западными коллегами, через осмысление полученного ими опыта.

История гипноза в России — тема отдельного исследования (см. Каннабих, 1910; Иванов, 1954; Усманова, 1954; Егоров, 1993; Егоров, Валентик, 1996 и др.). В данной статье я попытаюсь представить специфику контакта между русскими и французскими специалистами в области гипнотизма. В связи с этим будут рассмотрены такие темы, как учеба и стажировка русских врачей во Франции, а также восприятие в России заимствованных у французских коллег идей по теории и практике гипнотизма и внушения.

### **Стажировки русских врачей в Париже и Нанси**

1880-е гг. — время расцвета гипнотизма. Париж и Нанси, где располагались две школы гипнотизма и внушения, были популярными местами стажировок русских врачей. Несмотря на соперничество между школами, русские неврологи и психиатры часто посещали обе, при этом высоко оценивая их лидеров — И. Бернгейма и Ж.-М. Шарко. Так, в предисловии к французскому изданию работы «Внушение и его роль в общественной жизни» В.М. Бехтерев говорит о роли Франции в развитии гипнотизма, приводя фамилии Шарко и Берн-

гейма через запятую, без противопоставления (Bechterew, 1910). Изучая работу лабораторий и клиник в разных странах, русские ученые оказывались вне ситуации соперничества между школами. Например, А.А. Токарский, основавший психологическую лабораторию на медицинском факультете Московского Университета и читавший курс по гипнотизму, посещая зарубежные клиники и лаборатории в 1889-1892 гг., в равной степени интересовался и вопросами гипнотизма, и вундтовской экспериментальной психологией, учился у Гельмгольца, Шарко, Вундта, Бернгейма. Приобщение к инновациям и терапевтическим системам разных стран, открытость всему новому, готовность учиться — вот черта русских, вызывавшая восхищение у зарубежных коллег. «Русские много путешествуют, — то, что мы делаем недостаточно, — они учатся на опыте других, сравнивают, изучают системы разных стран» (Huchard, 1890, р. 44) — писал Анри Юшар, направленный Министерством народного образования Франции в Россию, Австрию и Германию для изучения лабораторий, больниц и образования этих стран.

Шарко дважды посетил Россию (в 1881 и 1891 гг.), причем оба эти визита имели огромный успех. Выходцев из России было много как среди его пациентов, так и среди его студентов. В специальном выпуске «Современной психоневрологии», посвященном Шарко, Бехтерев писал

об особом отношении Шарко к русским: «парижские врачи... ревновали нас, русских, и, смеясь, сочинили анекдот о русском происхождении Шарко, производя его фамилию от русского города Харькова (Charcot во французском произношении)» (Бехтерев, 1925, с. 14). Д-р Любимов, около 20 лет друживший с Шарко, вспоминал, что русские врачи называли его между собой «умницей»: «Часто о консультации или дискуссии в Академии или на Факультете спрашивали: “А что Шарко?” “Шарко, — обычно слышалось в ответ, — как всегда, умница!”» (Lubimoff, 1894, р. 38). Интересно, что дочь Шарко, лингвист по образованию, владела русским достаточно хорошо, чтобы читать в оригинале Пушкина и Лермонтова (Lubimoff, 1894, р. 60). Она вместе с братом сопровождала отца в поездке по России в 1891 г. Об особом отношении Шарко к России и его вкладе в становление дружеских отношений между Россией и Францией может свидетельствовать и то, что в 1880 г. он организовал встречу между Л.М. Гамбеттой и Великим князем Николаем в своем доме в парижском пригороде Нейи (Souques, 1925, р. 696), что стало важной вехой для последующего заключения русско-французского союза. Шарко был хорошо известен в России также благодаря многочисленным переводам (Шарко, 1876а; 1876б; 1878; 1883; 1885; 1889; 1890), выполненным В.Ф. Спримоном, И.П. Лебедевым, Ю.И. Заволжской и др., аналитиче-

ским работам о нем (Гиляров, 1894), а также частым цитатам в публикациях отечественных врачей. Шарко и сам цитировал русских авторов (например, Шарко, 1890), многие из которых присылали ему свои статьи, и по сей день хранящиеся в Фонде Шарко в Париже.

Сальпетриер (где располагалась школа Шарко) был более популярным, чем Нанси (Турецкий, 2006, с. 118). Он стал неизменным местом стажировки русских неврологов и психиатров (В.М. Бехтерев, Л.С. Минор, Л.О. Даршкевич, В.Ф. Чиж, В.К. Рот, Л.В. Блуменау и др.). Пожалуй, из них именно Бехтерев больше всего способствовал развитию профессионального использования гипноза в России. Особенно широко известна его книга «Внушение и его роль в общественной жизни» (1908). Она была переведена на французский язык в 1910 г. Многие резюме работ В.М. Бехтерева публиковались во французских журналах, а книги известны во Франции благодаря Н.Н. Костылеву, переводчику и продолжателю бехтеревских идей (Kostyleff, 1914; 1947)<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> Н.Н. Костылев много сделал для укрепления связей между Россией и Францией в области психологии. Интересно, что он посвятил свою книгу «La réflexologie et les essais d'une psychologie structurale» Т. Рибо как предшественнику рефлексологии (Kostyleff, 1947). Благодаря переводам Костылева и популяризации им рефлексологии, Бехтерев и его подход были достаточно хорошо известны во Франции.

О нансийской школе известно гораздо меньше. А.-О. Льебо, основатель школы, упоминал о восьми русских визитерах (Beaunis, 2009), фото четырех из них можно найти в Альбоме Льебо (Album Liébeault, 2008) — А.А. Токарский, Н.В. Даль, А. Келлер, мадам Хеммерле (русская поклонница Льебо, которой, по всей видимости, принадлежала идея монумента Льебо и мемориальной доски на доме Льебо в Фавьере) (Фельцман, 1910а). Среди других русских, посещавших Нанси, — Я.В. Рыбалкин, П.П. Подъяпольский, Орлицкий, В.Ф. Чиж. Интересно, что на одном из немногих сохранившихся фото Льебо с ним запечатлен д-р Левинсон из Санкт-Петербурга. А в приемной главы нансийской школы И. Бернгейма на самом видном месте в раме висел диплом Московского общества невропатологов и психиатров (там же). Основные работы Бернгейма переводились на русский (Бернгейм, 1887), хотя и не столь активно и оперативно, как труды Шарко.

Отношение к стажировкам во Францию было разным, от чрезвычайно восторженного до весьма скептического. «Летом 1889 я посетил клинику Бернгейма. По возвращении моем я тотчас же приступил к изучению тех явлений, которые наблюдаются в состоянии гипноза, и уже через 6 недель в научном совещании врачей Мариинской больницы, и затем при научных воскресных бесе-

дах многим врачам демонстрировал почти все явления, которые обнаруживаются в состоянии гипноза, и начал применять его с терапевтической целью» (Рыбалкин, 1891, с. 258). Рыбалкин, как и многие другие врачи, посетившие Париж или Нанси, сразу стремился повторить увиденное, с придыханием говоря о загадочных феноменах.

Однако впечатления о городе и практике внушения могли быть и не столь радужными: «Был в Нанси в 1886. В Нанси нет собственно клиники внутренних болезней, а есть клиника гипноза — везде и всегда здесь при лечении самых различных болезней применяется гипноз. Во всем городе Нанси трудно найти человека, который не подвергался бы когда-нибудь гипнозу, который не был бы одержим в зависимости от этого известным расстройством нервной системы, слабостью воли и т.д. Я констатировал чудовищный факт, что город этот зачумлен гипнозом и внушением, что в Нанси совершенно отождествляется, думаю, что от гипнотической дрессировки и привычки к гипнозу во всем Нанси трудно найти человека с совершенно здоровой нервной системой и психикой. Ничего мудреного, что, имея дело с таким материалом, с таким совершенно особенным классом людей с искусственно ослабленной волей, всякому удастся внушать все что угодно. Проф. Льеже, известный криминалист, демонстрировал мне

явления гипноза в ресторане, в кафе, пользуясь для этого случайными посетителями, которым уплачивалось по несколько франков за сеанс» (Беллин, 1898, с. 194).

Вернувшись в Россию после стажировок, одни продолжали работать в больницах (как Бехтерев, Токарский и др.), печататься, делать академическую карьеру, тогда как другие открывали частные кабинеты. И если о первых известно довольно много — остались их книги, статьи, воспоминания коллег, посвященные этим фигурам статьи современных исследователей, — то о вторых сегодня мало что известно.

Одно из таких имен — когда-то чрезвычайно популярное, теперь неизвестное — Н.В. Даль (1860–1939), не оставивший после себя практически никаких статей, кроме перевода книги о гипнотизме (Веттерштранд, 1893). После окончания медицинского факультета Московского университета Даль стажировался в Париже и в Нанси, а по возвращении в Москву открыл свой кабинет. Скрипач-любитель, собиратель старинных инструментов, он был известен особенно в артистических кругах. Л.С. Мизинова в письме Чехову сообщает: «Я дошла до того, что уже лечусь у Даля! А то все ночи не сплю и испытываю постоянный страх чего-то. Теперь лучше — внушение мне очень помогло» (Переписка А.П. Чехова, 1984). Пациентами Даля были Ф. Шаляпин, А. Скрябин, М. Врубель, К. Станис-

лавский, В. Качалов (Незабытые могилы, 1999). Вероятно, одним из наиболее известных случаев в терапевтической практике Даля была работа с Рахманиновым в 1900 г. (по поводу его длительной апатии и депрессии)<sup>5</sup>. «Мои родственники сказали доктору Далю, что он любым путем должен избавить меня от апатии и добиться, чтобы я снова начал сочинять. Даль спросил, что именно они хотели, чтобы я сочинил, и получил ответ: концерт для фортепьяно. Тот, который я обещал лондонской публике и в отчаянии отложил. В результате, лежа в полудреме в кресле доктора Даля, я изо дня в день слышал повторяющуюся гипнотическую формулу: “Вы начнете писать концерт. Вы будете работать с полной легкостью. Концерт получится прекрасный”. Всегда одно и то же, без пауз. И хотя это может показаться невероятным, лечение действительно помогло мне. Уже в начале лета я снова начал сочинять... Я ощущал, что лечение доктора Даля поразительно укрепило мою нервную систему. Из чувства благодарности я посвятил ему свой Второй концерт» (Рахманинов, 1992, с. 156).

Анализируя эти воспоминания, исследователи отмечают действие и

<sup>5</sup> Однако ходили слухи, что Даль лечил Рахманинова от пьянства. «Как говорили, д-ру Далю удалось убедить Рахманинова в том, что водка — это керосин. Таким простым способом он спас для мира его музыкальное дарование» (Локс, 1994, с. 99). Даль был известен своими случаями лечения алкоголизма (Засайлов, 1897).

действенность простой повторяющейся речевой формулы, а также особенность контакта, в котором Даль бессознательно предстал для Рахманинова одобряющей и прощающей отцовской фигурой, что помогло ему восстановить утраченное равновесие (García, 2004). В такой терапии «простым словом» чувствуется следование принципу идеодинамизма (тенденции идеи воплощаться в действие), характерному для нансийской школы.

### **Учеба и научная работа русских во Франции**

Во Францию ехали не только на стажировки, но и с целью получения образования. Последняя треть XIX — начало XX в. отмечены массовой эмиграцией студенческой молодежи и профессуры российских университетов (Любина, 2002). Хотя французские университеты и научные центры несколько уступали германским, именно во Франции, в Париже чаще всего проводились престижные международные научные форумы и конгрессы, «где чувствовалось кипение передовой исследовательской мысли» (Гутнов, 2006, с. 93).

Русские составляли значительный процент студентов во французском высшем образовании и традиционно стремились в университеты Парижа, Нанси, Монпелье (Иванов, 1998). Согласно межправительственным русско-французским соглашениям в области высшего образова-

ния, Франция и Россия взаимно признавали свидетельства о получении среднего образования, выданные в обеих странах. Многие продолжали образование и после получения диплома. Например, 17 из 40 (42,5%) диссертаций, написанных иностранцами под руководством Шарко между 1873 и 1893 гг., были выполнены русскими и выходцами из Восточной Европы (Gelfand, 1994)<sup>6</sup>. Среди русских, защитившихся во Франции, — А. Херодинова (Тергукасова), З. Горская (Gorsky, 1888), Г. Брайтман (Breitman, 1888), Б. Архипов, Л. Кляйн, Балабан, С. Львов, Френкель (Цесарский), М.Б. Тафт, Быховский, Батчурский, Г. Абрикосова, М. Курильский, И. Хелфонд, И.Л. Рабинер, М. Голдман, Хамант, Н. Скворцова, Я. Онанов. Это были и представители аристократических фамилий, и выходцы из простых семей. Однако, кроме места рождения, во многих диссертациях ничто не выдает русские корни. Они — французы, опирающиеся целиком и полностью на французскую традицию. В их работах, за редкими исключениями, практически не встречается цитирование русских авторов.

Одним из таких исключений был Яков Рубинович (1862–1950). Он родился в Одессе, иммигрировал во Францию. Получил образование — экстерн Сальпетриера и интерн больницы Св. Анны. В 1890 г. защитил

<sup>6</sup> Эти диссертации можно найти в Фонде Шарко в Париже.

диссертацию под руководством Шарко: «Мужская истерия и дегенерация» (Roubinovitch, 1890). Рубинович много публиковался и во французских и в русских журналах. С 1885 г. — постоянный автор обзоров российской научной (психология, психиатрия) прессы для французских журналов (*Progrès medical*, *Archives de Neurologie*, *Revue de Hypnotisme*) и достижений французской психиатрии для русских.

Мало что известно о судьбе большинства «русских» диссертантов. За редким исключением ускользают они и от исследователей русского зарубежья (Российское зарубежье во Франции, 2008; Незабываемые могилы, 1999; Российское научное зарубежье, 2010). Однако можно проследить некоторые тенденции, интересные как с точки зрения изучения гипнотизма, так и с точки зрения студенческой миграции из России этого периода в целом. Я хотела бы обозначить несколько факторов.

Во-первых, у Шарко было немало русских студентов, стажеров и пациентов. Среди его знаменитых русских клиентов были Иван Тургенев, Павел Игнатьев (Gelfand, 1994), да и последней больной, осмотренной Шарко, была русская женщина, пациентка д-ра Любимова (Lubimoff, 1894). Шарко производил сильное впечатление. Его исцеления были похожи на чудо. Вероятно, значительный процент русских студентов изучали гипноз и явления, с ним связанные, не без

влияния обаяния личности Шарко и его метода лечения.

Глафира Абрикосова (1860–1940), дочь известного фабриканта А.И. Абрикосова, защитила под руководством Жоффруа диссертацию «Истерия в XVII и XVIII вв. Историческое исследование». Путь к этой диссертации начался с болезни ее младшей сестры Сони. В 1883 г. у 18-летней девушки вдруг отнялись ноги. Д-р Боткин объяснил это истерией и счел, что ей поможет только д-р Шарко из Парижа. Глафира сопровождала Соню в Париж. На обеих сестер Шарко произвел огромное впечатление. «Шарко назначил для Сони курс лечения душами, который строго исполнялся. Через несколько времени Соня заметно окрепла, однако ходить все еще не могла, но вот как-то раз сестры заждались назначенного визита Шарко, он почему-то задерживался. Когда же Соня вдруг услышала, что Шарко подъехал к санаторию, она вскочила с своего кресла и сбежала с третьего этажа в переднюю к нему на встречу. С тех пор она совершенно поправилась и вернулась в Москву к родителям» (Абрикосов, 2009). А Глафира осталась учиться в Париже. Она поступила на медицинский факультет и была единственной женщиной на своем курсе. Граня училась у Шарко (до его смерти в 1893 г.) и защитила диссертацию в 1897 г. Большую часть жизни она прожила во Франции вместе с известным физиологом Шарлем Рише, от которого у нее было двое дочерей.



На судьбе Глафиры Абрикосовой сказались не только личное обаяние Шарко и впечатление от чуда исцеления, но и тот факт, что в Париже того времени женщина могла получить медицинское образование, а в России — нет. Высшие учебные заведения в основной массе предназначались только для мужчин. Женские врачебные курсы, несмотря на успешный 10-летний опыт работы, были закрыты в 1882 г., а Женский медицинский институт был основан только в 1897 г. Поэтому в период с 1882 по 1897 г. женщины составляли значительную долю среди русских студентов-медиков во Франции (Moulinier, 2005).

Другим фактором, влияющим на студенческую миграцию из России, была национальная политика, в частности, «еврейский вопрос» (Иванов, 1998; Czerny, 2007; Karady, 2002). В 1887 г. в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения для евреев были установлены количественные квоты в студенческом контингенте, в то время как образование с середины 60-х гг. XIX века стало для молодых евреев способом эмансипации, завоевания свободы (Gouzevitch, Gouzevitch, 2002). Во Франции квот и погромов не было, политика университетов в отношении иностранных студентов была очень открытой, а полицейский контроль гораздо более умеренных, чем, скажем, в Германии.

Михаил Курильский (1868–1917) родился в Одессе. Приехал в Париж

вместе со своими друзьями учиться около 1885 г. После обучения он вернулся в Россию для прохождения военной службы, поскольку для получения французского гражданства требовалось не только подтверждение 10-летнего пребывания во Франции, но и урегулирование вопроса об исполнении военного долга в стране происхождения<sup>7</sup>. В 1893 г. он окончательно обосновался во Франции. В 1906 г. защитил у Раймона диссертацию по истерической полиурии. Был награжден медалью «За заслуги» за работу в госпиталях. Среди его потомков — герой ВМВ, известные французские врачи, биологи.

Париж привлекал своей свободой и революционно настроенную молодежь. О нескольких русских нигилистах, слушавших лекции в Сорбонне, упоминает Рибо, говоря о своем первом курсе по экспериментальной психологии (Nicolas, 2009). Правда, значительная их доля становилась студентами только для того, чтобы получить студенческий билет и пользоваться им как защитой (Гутнов, 2001).

Зинаида Горская (Апсеитова, Корали, Барт) родилась в Санкт-Петербурге в 1851 г. Известная народоволка. Жена Г.А. Лопатина, мать адвоката Бруно Барта. Как вдова поручика Апсеитова она получила за-

<sup>7</sup> Вопрос о гражданстве был связан с материальным и правовым статусом эмигрантов во Франции, возможностью занимать государственные должности (Любина, 1993).

граничный паспорт, уехала в Париж, поселилась в Латинском квартале. В Париже она изучала медицину и была помощницей Лаврова (Давыдов, 1986; 1998), а в 1888 г. защитила у Дамаскино диссертацию по послеродовому психозу. Однако в 1870-е гг. мало что предвещало такой поворот событий: тогда Зинаиду Апсеитову интересовала в основном революционная деятельность.

### Гипнотизм в России

В России гипнотизм быстро распространился среди разных групп населения и социальных слоев (Orlitzky, 1903; 1904). Как и в Европе, магнетизеры и гипнотизеры колесили по стране со своими удивительными представлениями, а сомнамбулизм практически стал профессией (Carroy, 1991).

Также как и в других странах, в России гипнотизм был не только терапевтическим средством, но и инструментом исследований в области социального влияния (людей, идей, событий). Эти исследования отражали страхи (преступное использование гипноза, потеря себя, своей личности, личной воли)<sup>8</sup> и надежды

<sup>8</sup> Вопрос ослабления воли, потери Я, нарушения свободы и нормальной жизни человека при гипнозе и внушении (Тарханов, 1886, с. 52; Годнев, 1886; Беллин, 1898) многократно становился предметом дебатов. Сторонники гипнотизма утверждали, что внушение и гипнотизм не противоречат наличию свободной активной воли (Заусайлов, 1897; Рыбаков, 1901; Срезневский, 1907).

(улучшение и усовершенствование человеческой природы, избавление от боли и страдания) людей, а также становились призмой, через которую происходило осмысление исторического пути и самобытности страны. «Россия — страна внушения и гипнотизма; нигде больше не найдется столько внушаемых и гипнабельных людей» (Drzewiecki, 1889). Многие исследователи подчеркивали связь популярности гипнотизма с социальным и культурным контекстом: распространенностью суеверий, ритуалов, магическим мышлением, недостаточным образованием. «В России мы теперь находимся под знаком усиленной внушаемости. Жизнь сложилась так, что в толпе и особенно среди молодежи, замечается резкий поворот к мистике. Наша общественная жизнь полна неожиданностей. Мы не знаем утром, что нас ждет вечером. И как сказал некто, мы ждем (как этот некто, так и мы не знаем, чего мы ждем). Это и есть гипноидное состояние. У нас ослабел контроль и критика. Внушаемость усиливается ожиданием, невежеством и самовнушением» (Фельцман, 1910б, с. 131).

Гипнотические опыты повторялись ради забавы. Ими развлекались, как развлекаются картами, танцами и т.п. После этих представлений способность людей гипнотизироваться быстро и резко возросла (Дроздов, 1881). Возросло число целителей и балаганных гипнотизеров, приносящих материальный ущерб и вредя-

щих здоровью (Эриксон, 1904). Вот одно из свидетельств: «В Нижнем недавно практиковал некий “ясновидец” г. Ермолов, предсказывающий будущее и рассказывающий прошедшее и плюс кроме того лечащий от пьянства. При осмотре его квартиры у него оказались сублимат, мышьяк и другие сильнодействующие яды, а потому “ясновидец” этот неожиданно попал на скамью подсудимых. Только благодаря энергии врачебной инспекции шарлатанство самозванных лечителей и фельдшеризм у нас понемногу выводится. Пора» (Хроника, 1890, с. 368).

Все это повлекло критику и запрет на публичные гипнотические сеансы (Тарханов, 1886, с. 46; Токарский, 1889; 1891; Мержеевский, 1890), а также предписания Медицинского департамента 1890 и 1893 гг. об ограничении врачебного применения гипноза<sup>9</sup>, которые были отменены только в 1903 г.

Врачи отстаивали метод гипноза в медицине как средство, подобное

другим (Dekterew, 1893a; 1893b), которые следует использовать с осторожностью, после специальной подготовки (Tokarsky, 1890). Основной сферой медицинского приложения гипноза и внушения были признаны функциональные заболевания (Tokarsky, 1890; Токарский, 1891). Однако одним из основных достижений гипноза было избавление от боли (Боткин, 1897; Белицкий, 1903; Подъяпольский, 1916; Wiazemsky, 1908). Этот аргумент долго поддерживал гипнотическую практику, и сегодня совладание с болью является одной из основных тем в области гипноза.

Как и во французской практике, в России гипнотизм был областью и лечения, и эксперимента. Исследования касались классификации и особенностей гипнотических состояний, их физиологических коррелятов (Drzewiecki, 1889; Геник, Воротынский, 1890; Бехтерев, Нарбут, 1902; Гизе, Лазурский, 1900). Значительная часть исследований посвящена изменению чувствительности (Chiltoff, 1889), внушенных ощущений и физиологических изменений (Rybalkin, 1890; Podiapolsky, 1904; Подъяпольский, 1905) и в целом воспроизводит французскую модель гипнотизма. Иногда экспериментальный подход преобладает, и многие статьи поражают дисбалансом: описания экспериментов занимают больше места и им уделяется больше внимания при анализе, чем лечебным эффектам гипноза или внушения.

<sup>9</sup> 1893 год был знаковым и для гипнотизма за рубежом. Со смертью Шарко увлечение гипнотизмом резко падает. Как отмечает Б.Е. Егоров, если в Европе отказ от гипнотизма был добровольным, то в России — принудительным, что вызвало борьбу за отмену запрета (Корреспонденции..., 1901; 1902; Розенбах, 1901; Рыбаков, 1901) и активное изучение и использование гипнотизма в лечении (уже после 1903 г.). В результате возникает «русский вариант психоанализа» (Егоров, 1993), гипнотизм активно сочетается с другими формами лечения (Бехтерев, 1913).

Важную роль в развитии гипнотизма в России играло осмысление социального контекста его применения. Знания о гипнотизме и внушении нужны были врачу, чтобы противостоять предрассудкам и суевериям, основанным на невежестве, на слепой вере шарлатанам, сомнительным целителям, противостоять приверженности народа разного рода таинственным, мистическим практикам (Orlitzky, 1903; 1904). Одна из основных сфер социально значимого приложения гипноза — лечение алкоголизма; и здесь русские врачи неизменно обращались к опыту французских (Белицкий, 1903). Практически все врачи, серьезно занимавшиеся гипнозом, применяли его к лечению алкоголизма (Минор, 1887; Токарский, 1899; Рыбаков, 1898; Мендельсон, 1904; Pewnitsky, 1904; Wiazemsky, 1908a; 1908b и др.). Токарский проанализировал более 700 наблюдений приложения гипнотизма к лечению алкоголизма и говорил о 80% случаев успешного излечения (Tokarsky, 1901). Другие врачи приводят более умеренные цифры — 30-70% успешного лечения, в зависимости от сложности случая. Были организованы лечебницы для алкоголиков в нескольких городах России — Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринославле. В клинике Бехтерева алкоголизм начали лечить с 1902 г. (Белицкий, 1903). Система лечения алкоголизма предполагала около года комплексного лечения (Рыбаков, 1898). Был

создан Институт по изучению алкоголизма, где гипноз был одной из важных составляющих лечения, а описание созданных для этого гипноториумов и гипнотических комнат и сегодня поражает своей дизайнерской проработкой (Михайлов, Горелов, 1912).

### Заключение

Роль Франции в развитии гипнотизма в России трудно переоценить. Терапия и эксперименты в Сальпетриере и Нанси рождали зачастую энтузиазм, напоминающий состояние внушения. Однако можно сказать, что врачам, изучавшим и применявшим гипноз в России в конце XIX — начале XX века, удавалось избегать обособленности и жесткости концептуальных границ. Сначала благодаря опыту стажировок в разных научных центрах Европы при отстраненности от соперничества и закулисной борьбы, существовавшей между школами и странами. А затем благодаря опыту борьбы против ограничения терапевтического использования гипноза, когда после отмены запрета (в 1903 г.) гипноз активно изучался, применялся в лечебной практике и сочетался с различными методами, в том числе психоанализом, в отличие от Европы, где спад интереса к гипнотизму начался после смерти Шарко в 1893 г. В России одни и те же люди могли внедрять и вундтовскую экспериментальную психологию, и гипно-

тизм, сочетать психоаналитическое и гипнотическое лечение.

Замечателен вклад русских ученых в разработку предметной области гипнотизма. Достаточно упомянуть исследование В.М. Бехтеревым роли внушения в общественной жизни, социальных аспектов феномена гипнотизма (Бехтерев, 1898, 1908; Парыгин, 2006), работы А.А. Токарского о терапевтическом применении гипнотизма (Токарский, 1888; 1889; 1891; 1899; Tokarsky, 1890), изучение В.Я. Данилевским гипнотизма как общего у человека и животного психофизиологического процесса (Danilevsky, 1890; Данилевский, 1891; 1924), исследования Ф.Е. Рыбакова, посвященные эмоциональным аспектам явлений внушения (1898, 1901, 1904).

Интерес к явлениям гипнотизма в России не ограничивался медицинской средой (экспериментальными и терапевтическими приложениями). Исследование явлений внушения вызывало огромный социальный отклик, связанный с проблемами влияния и власти, активности и свободы волевого изъявления, осмыслением особенностей российского народа. Распространение гипнотизма было отчасти связано с эксплуатацией магического мышления, но также и с теми возможностями, которые открывает прикосновение к бессознательному, — избавлением от боли, алкоголизма, перевоспитанием, улучшением человеческой природы.

*Я благодарю за помощь в написании статьи Ирину Сироткину, Тоби Гелфанда, Жаклин Карруа, Вероник Леруа-Югон, Эммануэля Гарсиа и Оливье Курильского.*

## Литература

Абрикосов Х. Семейная хроника // Отдел рукописей РГБ. 1940 год. [Электронная публикация (2009): [http://www.abrikosovsons.ru/h.\\_abrikosov.\\_semeynay](http://www.abrikosovsons.ru/h._abrikosov._semeynay)].

Белицкий Ю. К вопросу об амбулаторном лечении алкоголиков гипнозом // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1903. № 11. С. 815–820.

Беллин Э.Ф. Гипнотизм и его значение в науке права // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1898. № 1-3. С. 77–89, 136–154, 184–203.

Бернгейм И. О гипнотическом внушении и применении его к лечению болезней. Одесса, 1887.

Бехтерев В.М. Роль внушений в общественной жизни // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1898. № 1. С. 1–19; № 2. С. 81–99; № 3. С. 161–177.

Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.

Бехтерев В.М. О лечении болезненных влечений и навязчивых состояний отвлекающей психотерапией // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1913. № 6–7. С. 321–329.

Бехтерев В.М. Как происходит так называемое «отгадывание мыслей» на подмостках театров? // Русский врач. 1917. № 43–47. С. 549–555.

Бехтерев В.М. К воспоминаниям о Шарко // Современная психоневрология. 1925. № 8.

Бехтерев В.М., Нарбут В.М. Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1902. № 1. С. 12–17; № 2. С. 96–103.

Бовин М. Случай вредного гипнотизма // Врач. Ежедневная газета. 1882. Т. 3. С. 863–864.

Боткин Я.А. Гипнотизм в гинекологии и акушерстве. М., 1897.

Веттершитранд О.Г. Гипнотизм и его применение в практической медицине. М., 1893.

Гамалея Н.Ф. Отгадывание мыслей на расстоянии // Врач. Ежедневная газета. 1885. № 17. С. 266–268.

Геник Е., Воротынский Б. Психометрические исследования над лицами, приведенными в состояние гипноза // Врач. 1890. № 16. С. 367–369.

Гизе Э.А., Лазурский А.Ф. Дыхание и пульс во время гипноза // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1900. № 5. С. 356–367.

Гиляров А.Н. Гипнотизм по учению школы Шарко и психологической школы (1881–1893). Киев, 1894.

Годнев И.В. Гипнотизм и его терапевтическое значение // Дневник Казанского общества врачей. 1886. № 17–19. С. 197–210.

Гутнов Д.А. Парижские тайны. Русское студенческое общество в Париже // Мир истории. 2001. № 3. [<http://www.tellur.ru/~historia/archive/03-01/gutnov.htm>].

Гутнов Д.А. Русская высшая школа общественных наук в Париже и ее влияние на развитие образования в России в начале XX века. Дисс... д-ра ист. наук. М., 2006.

Давыдов Ю.В. Соломенная сторожка (две связки писем). М., 1986.

Давыдов Ю.В. Бестселлер // Знамя. 1998. № 11.

Данилевский В.Я. К учению о животном магнетизме. СПб., 1879.

Данилевский В.Я. Единство гипнотизма у человека и у животных // Медицинская беседа. Журнал популярной медицины и гигиены. 1891. Том 5. С. 59–76.

Данилевский В.Я. Гипнотизм. Харьков, 1924.

Дроздов В.И. О гипнотизме // Врач. Ежедневная газета. 1881. № 4. С. 54–55.

Егоров Б.Е. Гипноз. Психотерапия. Бессознательное. Массовые сеансы исцеления, или 100 лет научного изучения гипноза в России... и ничего не изменилось. М., 1993.

Егоров Б.Е., Валентик Ю.В. Гипнотизм и психоанализ в России // Социальная и клиническая психиатрия. 1996. № 2. С. 128–138.

Заусайлов М.А. О лечении хронического алкоголизма гипнотическими внушениями // Врач. 1897. № 33. С. 906–909.

Иванов А.Е. Российское студенческое зарубежье. Конец XIX — начало XX века // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 1.

Иванов Н.В. Возникновение и развитие отечественной психотерапии. Дисс... докт. мед. наук. М., 1954.

Каннабих Ю.Б. Эволюция психотерапевтических идей XIX века. М., 1910.

Корреспонденции: Из Общества невропатологов и психиатров при Казанском университете // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1901. Кн. 3. С. 294–295.

Корреспонденции: Секция нервных и душевных болезней 8 съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. Заседание 5.01.1902. К вопросу об отмене циркуляра, огранич. применение гипноза // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1902. С. 268–273.

Лихонин Н.О. Гипнотизм и его краткая история. СПб., 1881.

Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) // Минувшее. Вып. 15. М.; СПб., 1994.

Любина Г.И. Русское научное зарубежье в Париже во второй половине XIX — начале XX века // Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993. С. 13–27.

Любина Г.И. Русская научная эмиграция XIX века в Париже: общий взгляд и уроки // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 2.

Мендельсон А.Л. Опыт лечения алкоголизма внушением в амбулаториях Санкт-Петербургского городского попечительства о народной трезвости и городской санитарной комиссии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1904. Кн. 3. С. 307–323.

Мержеевский И.П. О восприятии публичных гипнотических представлений // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1890. Вып. 1. С. 209–220.

Минов Л.С. К вопросу о пьянстве и его лечении в специальных заведениях для пьяниц. СПб., 1887.

Михайлов С.Е., Горелов А.Л. Метод электро-гипнотизации в связи с вопросом о технике гипноза // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1912. № 11–12. С. 648–659.

Нарбут В.М. Гипноз и его судебно-медицинское значение (по поводу циркуляра № 5289 медицинского департамента, ограничивающего терапевтическое применение гипноза) // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. № 8. С. 614–616.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 в шести томах / сост. В.Н. Чуваков. Т. 2. М., 1999.

Парыгин Б.Д. История отечественной социальной психологии // Методология

и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 2. С. 5–20.

Переписка А.П. Чехова. В 2-х тт. Т. 2. М., 1984.

Подъяпольский П.П. Волдырь от многого ожога, причиненный словесным внушением в состоянии искусственного сна. Саратов, 1905.

Подъяпольский П.П. Случаи применения гипнотического внушения в лазаретной практике // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1916. № 2. С. 290–311.

Рахманинов С.В. Воспоминания, записанные О. фон Риземаном. М., 1992.

Розенбах П.Я. Следует ли стесняться врачебное применение гипнотизма // Врач. Еженедельная газета. 1901. № 34. С. 1030–1034.

Российское зарубежье во Франции: 1919–2000. Биографический словарь. В 3-х тт. / под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008.

Российское научное зарубежье. Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный выпуск 1. Медицинские науки. XIX — первая половина XX века / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010.

Рот В.К. Об отношении науки к гипнотическим явлениям. Сообщение, сделанное 30 января 1881 года на заседании общества русских врачей в Москве // Труды общества русских врачей в Москве. М., 1881.

Рыбаков Ф.Е. Из психиатрической клиники Московского университета. О лечении пьянства гипнозом // Врач. 1898. № 18. С. 517–519.

Рыбаков Ф.Е. К вопросу о существующих мерах ограничения терапевтического применения гипнотизма // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1901. Кн. 6. С. 1201–1209.

Рыбаков Ф.Е. К теории гипноза // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1904. Кн. 4. С. 350–359.

Рыбалкин Я.В. О терапевтическом применении гипнотического внушения в нервном отделении Мариинской больницы // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1891. Вып. 1. С. 257–288.

Сикорский И.А. В чем состоит т. наз. чтение или узнавание мыслей другого? // Врач. Ежедневная газета. 1884. № 51. С. 853–855.

Спримон В.Ф. Гипнотическое внушение как средство для лечения неврозов // Медицинское обозрение. 1887. Т. 27. № 1. С. 102–114.

Срезневский В.В. Гипноз и воля. Речь, произнесенная в торжественном заседании Научных собраний клиники душевных и нервных болезней 18 января 1907 года. СПб., 1907.

Тарханов И.Р. Гипнотизм, внушение и чтение мыслей. СПб., 1886.

Токарский А.А. Гипнотизм и внушение. Сообщение, сделанное в Московском психологическом обществе 30 ноября 1887 г. Харьков, 1888.

Токарский А.А. К вопросу о вредном влиянии гипнотизирования. Доклад, представленный на 3 съезде русских врачей в Санкт-Петербурге 3–10 января 1889. СПб., 1889.

Токарский А.А. Терапевтическое применение гипнотизма. Труды 4-го съезда русских врачей в Москве. Отдел нервных болезней. М., 1891.

Токарский А.А. О лечении пьянства гипнотическим внушением // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1899. №№ 1–12. С. 752–753.

Турецкий М.И. Шломо Зигмунд Фрейд // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 2. С. 113–127.

Усманова А.Ф. К истории применения внушения с лечебной целью в России // Советское здравоохранение Киргизии. 1954. № 2. С. 47–48.

Федунина Н.Ю. Представления о сознании в ранних трудах Пьера Жане // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, вып. 2. С. 96–103.

Фельцман О.Б. Впечатления из поездки к Бернгейму // Психотерапия. Обзорение вопросов психического лечения и прикладной психологии. 1910а. № 1. С. 49–52.

Фельцман О.Б. К вопросу о сущности гипноза по современным воззрениям // Психотерапия. Обзорение вопросов психического лечения и прикладной психологии. 1910б. № 3. С. 125–132.

Хроника. Русская медицина // Ежедневный журнал медицины и гигиены. 1890. № 23.

Шарко Ж.-М. Болезни нервной системы. Лекции, читанные в Париже д-ром Шарко. Собранные и изданные д-ром Бурневилем. СПб., 1876а.

Шарко Ж.-М. О локализациях в болезнях мозга (о мозговых параличах). Лекции, читанные в Париже. СПб., 1876б.

Шарко Ж.-М. О локализациях в коре полушарий головного мозга. М., 1878.

Шарко Ж.-М. О страданиях костной системы у табетиков (лекция, записанная С. Данилло) // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1883. Вып. 1. С. 63–68.

Шарко Ж.-М. Клинические лекции по нервным болезням. Харьков, 1885.

Шарко Ж.-М. Поликлинические лекции, читанные в Сальпетриере. 1887–1888. СПб., 1889.

Шарко Ж.-М. О лечении спинной сухотки подвешиванием по способу Мочутковского. СПб., 1890.



*Щербаков Н.Л.* О терапевтическом употреблении гипнотизма // Друг здоровья. Врачебная газета. 1863. Т. 31. № 14. С. 105–106.

*Эриксон В.* Параноики в роли врачей-терапевтов // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1904. № 8. С. 586–592.

Album Liébeault. Sous la direction de Bernard Andrieu. Presses Universitaires de Nancy. 2008.

*Beaunis H.* De Nancy à Paris 1872-1874. Nancy, 2009.

*Bechterew V.M.* La suggestion et son role dans la vie sociale. P., 1910.

*Breitman G.* Lécholalie, corpulalie et imitation des gestes chez dégénérés et aliénés. Thèse pour le doctorat en médecine. P., 1888.

*Carroy J.* Hypnose, suggestion et psychologie. L'invention de sujets. P., 1991.

*Chiltoff A.* Troubles de la vision guéris par la suggestion hypnotique // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1889.

*Czerny B.* L'Association des étudiants russes de Paris // Cahiers du monde russe. 2007. 48/1. [URL: <http://monderusse.revues.org/index4912.html>].

*Danilevsky V.* Recherches physiologiques sur l'hypnotisme des animaux // Congrès international de psychologie. Compte rendu des séances. P., 1890. P. 79–92.

*Dekterew V.G.* Hypnotisme et pédagogie // Compte-rendu de la 21e session. Première partie. Association française pour l'avancement des sciences: conférences de Paris. 21, 1893a.

*Dekterew V.G.* La suggestion pédagogique (congrès de l'association française pour l'avancement des sciences) // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1893b.

*Drzewiecki J.* Observations d'hyperactivité visuelle, auditive et tactile chez un sujet hypnotisé // Premier congrès international de l'hypnotisme expérimental et thérapeutique. Comptes rendus publié sous la direction du Dr. E. Bérillon. P., 1889.

*Garcia E.E.* Rachmanonoff's emotional collapse and recovery: the first symphony and its aftermath // Psychoanalytic review. 2004. № 91 (2).

*Gelfand T.* Charcot Médecin International // Revue neurologique. 1994. № 150. P. 517–523.

*Gorsky Z.* Considérations sur la folie puerpérale et sur sa nature. Thèse pour le doctorat en médecine. P., 1888.

*Gouzevitch I., Gouzevitch D.* Étudiants, savants et ingénieurs juifs originaires de l'Empire russe en France (1860–1940) // Archives juives. 2002. № 1 (35). P. 120–128.

*Huchard H.* Une mission scientifique en Russie. (Notes et impressions de voyage.) // Revue generale de clinique et de therapeutique. 1890. In-8°, 76 p.

*Karady V.* La migration internationale d'étudiants en Europe, 1890-1940 // Actes de la recherche en sciences sociales. 2002. № 5 (145). P. 47–60.

*Kostyleff N.* Le mecanisme cerebral de la pensee. P., 1914.

*Kostyleff N.* La réflexologie et les essais d'une psychologie structurale. P., 1947.

*Lubimoff A.* Le professeur Charcot. Étude scientifique et biologique. P., 1894.

*Moulinier P.* Quand le Quartier latin accueillait la jeunesse étudiante du monde (1814–1914) [<http://jeunes-et-societes.com/public/archives/2005/MOULINIER.pdf>].

*Nicolas S. Th. Ribot.* Introduction de la psychologie dans l'enseignement (1885) // Etudes d'histoire de la psychologie. P., 2009. P. 102–148.

*Orlitzky.* L'hypnotisme en Russie. Le traitement hypnotique des alcooliques, du Dr. Rybakoff // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1903.

*Orlitzky.* L'hypnotisme en Russie. Le pouvoir des sorciers russes // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1904. P. 87–89.

*Pewnitsky A.A.* Traitement de l'alcoolisme à l'ambulance psychothérapeutique de la clinique de Bechtereff // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1904. P. 283–285.

*Pierrick R.* Les débuts de la psychiatrie russe et ses rapport avec l'école française dans le revues françaises specialisées 1843–1893. P., 1992.

*Podiapolsky P.* Brûlure suggérée chez une femme ayant présenté du mutisme hystérique // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1904. P. 50–53.

*Raymond F.* L'étude des maladies du système nerveux en Russie. Rapport adressé a m. le ministre de l'instruction publique. P., 1889.

*Roubinovitch J.* Hystérie male et dégénération. P., 1890.

*Rybalkin J.V.* Brulure du second degre provoquee par suggestion // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1890. P. 361.

*Souques A.* Charcot intime // La Presse medicale. 1925. № 42.

*Tokarsky A.A.* Considérations générales sur les applications thérapeutiques de l'hypnotisme // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1890. P. 58–59.

*Tokarsky A.A.* Les indications de l'hypnotisme et de la suggestion dans le traitement de l'alcoolisme // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1901. P. 33–38.

*Wiazemsky I.V.* Des raisons de l'insuccès de la thérapeutique suggestive dans un cas d'alcoolisme // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1908a. P. 8–11.

*Wiazemsky I.V.* Un cas d'application de l'hypnotisme contre les douleurs de l'accochement // Revue de l'hypnotisme et de la psychologie physiologique. 1908b. P. 50–52.

*Winter A.* Mesmerized: Powers of mind in Victorian Britain. Chicago, 1998.